

В декабре 1943 г. Толя Почтарев, как и год назад, получает ко дню рождения открытку от отца из Тюмени: «Здравствуй дорогой сыночек Толя. Поздравляю тебя с днем ангела и желаю тебе всего хорошего в твоей учебе. Учись на хорошо и на отлично. Толя, тебе сравняется скоро 15 лет, ты наверное уже больше меня. Толя, хотя тебе тяжело учиться, но нужно, а то очень плохо малограмотному жить и работать этот год, нужно доучиваться, а там видно будет. Может скоро кончится война и я приеду к вам и тогда будет полегче вам жить, а сейчас какнибудь живите. Толя напиши, как у тебя закончилась четверть, с какими отметками за четверть. Толя, напиши какие у вас цены на рынке на все продукты и какие у вас новости в Москве. Толя, передай поклон бабушке и коке (Александре Андреевне Лаврёновой— ПВ) с ребятами.

Дорогие детки Толя, Тоня и Валя. Я получил бронь на 6 месяцев до 1 июля 1944 года. Затем до свидания. Жду ответ. Твой папа. 23.12.1943 г.» . Адрес получателя: Москва, 29. Б.Угрешская ул., д. 14. к. 3. Почтареву Анатолию М."

Конверт от письма М.Ф.Почтарёва своему сыну Анатолию. 23.12.1943.

В эвакуации с Матвеем Фёдоровичем Почтарёвым однажды случился такой случай.

Как-то раз зимой директор поручил Матвею отвезти несколько ящиков сливочного масла (видимо из подсобного колхоза на завод) для рабочих. Стужа была сильная и машина «заглохла», не доехав до места назначения. Матвей топором отколол кусок масла, убрал за пазуху и пошел в направлении поселка, благо трасса была знакомая. Дойдя до крайней избы Матвей до того обмерз, что не было сил постучать. С трудом поднявшись на крыльцо, Матвей рухнул у дверей, а кусок масла вывалился и стукнул в дверь. На этот стук вышла хозяйка. Она затащила Матвея в избу, где он отогрелся. Хозяйка же была рада неожиданному подарку в виде куска масла. Через некоторое время пришла машина с завода, перегрузили на неё груз, все вернулись на завод. Директор завода благодарил Матвея за самоотверженный труд.

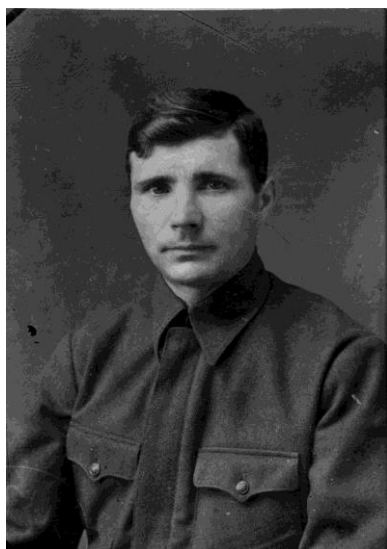
Николай Иванович Коровин во время войны был ранен в руку, в конце 1943 или начале 1944 года писал домой из госпиталя (треугольничек с вымаранными строчками), в котором лечился. В письме он написал, что из госпиталя выписывается досрочно, «иду бить фашистов», и после этого пропал без вести. Михаил Иванович (младший) до конца своей жизни пытался найти какие-нибудь следы брата, но в военкоматах в то время

считали, что войну надо побыстрее забыть и формально отписывались на все запросы.

В самом конце 1943 или уже в 1944 году домой пришла весточка и от Леонида Ивановича Коровина, в которой он сообщает, о том, что жив, и находится в госпитале в городе Петропавловске-Казахстанском. Впоследствии от него узнали, что подразделение, в котором он служил, заняла позицию на направлении, на котором ждали наступление немцев. Во время боя Леониду прострелили ноги, и его долго не могли вытащить с поля боя, в результате обескровленные ноги отморозились и их пришлось ампутировать. Это произошло во время Сталинградской битвы, но точное место службы Леонида Ивановича не сохранилось, предположительно это было где-то под Воронежом. Находясь в госпитале Леонид Иванович не сообщил о своей инвалидности, и не хотел возвращаться домой, что бы не быть обузой родным: матери уже не было в живых, а братья были людьми семейными. Узнав о том, что Леонид в Петропавловске, его брат Анатолий Иванович, который по счастливой случайности находился в эвакуации с заводом в этом же городе, нашёл его и с трудом уговорил Леонида вернуться домой. Анатолий Иванович попросил на предприятии автомобиль, приехал в госпиталь, взял Леонида на руки и всю дорогу до дома держал его на руках. Со временем Леониду сделали протезы ног. Несмотря на боль, он ходил без палочки, работал и никогда не жаловался. Анатолий всю оставшуюся жизнь оберегал и заботился о Леониде.

Леонид Иванович был очень молчаливый человек. Много читал, много знал, но никогда не выставлял напоказ свои знания. Если спросишь о чем-нибудь – ответит.

В связи с появлением у Анатолия Ивановича Коровина иждивенца ему было разрешено вернуться в Москву к родным в мае 1944 году. По указанию наркомата судостроения Анатолий Иванович был переведен на работу на завод № 782 «Радуга» (впоследствии завод п/я 3364 в системе Радиотехнической промышленности и приборостроения) и со 2 июня 1944 г. был зачислен на этот завод электросварщиком 7 разряда.

*Почтарёв Матвей
Федорович.
19.11.1944 г.*

В конце февраля - начале марта 1944 г. Тоня Почтарева получает из города Тюмени открытку от отца Матвея, которой тот старался поддержать жену и детей в трудное время: "Здравствуй дорогая дочка Тоня. Шлю тебе сердечный привет и крепко целую. Тоня, какие идут из Москвы хорошие весточки, даже нельзя нарадоваться, идут частые салюты, идет все к концу и может все скоро кончиться и скоро я приеду к вам. Я очень скучаю по вам и по всем родным. Не дожусь того дня, когда я приеду к вам. Тоня, мне дали бронь наркомовскую. Это большое мое счастье и ваше. Тоня, я телеграмму получил. Тоня, передай привет маме и бабушке. Твой папа".

Тоня Почтарёва

В январе 1944 года Александр Павлов сообщает домой, что овладевает хождением на лыжах.

3 апреля 1944 года Павлову Александру Андреевичу было присвоено воинское звание лейтенанта.

Мл. лейтенант А.А.Павлов

Страничка личного удостоверения Павлова Александра Андреевича с указанием присвоения воинского звания лейтенанта

А накануне, 2 апреля Александру пришлось урезонивать мать и сестру Анну, которые после длительного периода спокойной жизни вновь повздорили. «Я уже давно полагал, что наша семья стала дружной, спаянной семьёй, забывшей прошлые скандалы...

Я не могу до сих пор понять истинную причину этих недоразумений. Мне ясно только одно, что всё это омрачает жизнь каждого из нас и делает из кровных родственников непримиримых врагов. И что хуже всего, это то, что молодое поколение нашей семьи воспитывается не в духе тёплых родственных связей и отношений, а в духе какой-то чуждости, независимости

и даже вражды.

И не думайте, что если вы скандалите с Нюрой, то её дети, по Вашему мнению, будут по-прежнему относиться к Вам; так же пусть не думает и Нюра, что если она скандалит с вами, то Шурины дети будут считать её любящей и уважаемой тётёй.

Я не хочу никого из вас считать виновником происшедшего. Меня это несколько не интересует. Меня беспокоит только то, что никто из вас не думает о будущем своих детей, не желает для них счастья, дружной жизни, не приучаете их к взаимной помощи и любви друг к другу.

Сами подумайте, с каким чувством каждый из нас будет возвращаться в Москву, если в дороге будет предчувствовать, что дома его встретит разбитая, скандальная семья. Нет ничего тягостнее этой мысли.

Я желаю только одного, чтобы скандалы были навсегда вычеркнуты из быта нашей семьи. Всё, что зависит от вас – сделайте.

Одновременно пишу письмо Нюре, чтобы она чувствовала себя не слишком правой и сделала соответствующие для неё выводы».

В Томилино комендант дома, в котором располагалась Шурина квартира, предложил ей и её квартиру, как это сделали другие жильцы, передать располагавшемуся здесь госпиталю в обмен на постановку на учет по улучшению жилищных условий и обещание предоставить новую квартиру в Москве через три года, при условии, что она будет работать в наркомате путей сообщения (НКПС). Поскольку семьи уменьшились, и можно было разместиться на квартире в Колбасном переулке, то Шура согласилась. С этого времени Шура три года проработала в НКПС.

По случаю предполагавшегося переезда Шуры на постоянное жительство в Москву Екатерина Михайловна интересуется у Александра, не будет ли он против такого переезда. «Я ничуть не против, чтобы Шура перебралась в Москву со всем своим хозяйством... Однако всё дело организуйте таким образом, чтобы не получилось неприятностей с Николаем, который, возможно, не будет одобрять вашего решения. Для меня будет лучше, если вы хорошо устроитесь в Москве, сумеете создать все благоприятные условия для обучения Риты, а также сумеете обеспечить себя небольшим огородом, который должен поддерживать вас овощами».

В Колбасном переулке у Риты и Вали появилось много знакомых ребят их возраста, с которыми они играли во дворе. При этом Екатерина Михайловна всячески остерегала их водиться с хулиганами. В футбол играли мячиком типа теннисного, играли босяком, поэтому нога у большого пальца у Валентина всегда была опухшей. За это Вале доставалось от мамы, когда она вечером мыла ему ноги. Мама никогда не «колотила» Валу, но всегда сильно ругала. Кроме футбола детвора играла в казаки-разбойники, в 12 палочек, в чижика, в пушок. На Пасху катали крашеные яйца, а когда появились деньги – мелочь, то играли в расшибалку или казну. Зимой катались на санках: Шура сажала Риту и Валу вместе на одни санки и катала по переулку. Иногда приходил покатать их на санках Валя-большой, который охотно приходил

поиграть с Ритой и Валей.

***Расшибалка.** Для этой игры нужна неупругая бита (лучше всего из свинца) формы плоско-выпуклой линзы. На асфальте проводится черта, на середину которой ставят монеты сложенные стопкой реишкой вверх. Играющие с расстояния пяти метров кидают в эту стопку монет свои биты. Попадание в кон автоматически заканчивает игру и весь кон становится собственностью попавшего. Если в кон никто не попал, то устанавливается очередь на выбивание, по принципу дальности биты от черты. Тот, кто не докинул биту до черты, от выбивания отстраняется. Затем в порядке установившейся очередности игроки бьют по лежащим монетам. Если монета перевернулась на орел, то она становится собственностью выбивающего. Если после удара ни одна монета не перевернулась, право бить передается следующему игроку.*

Как то раз, двоюродный брат Анатолий Почтарёв принёс Валентину-маленькому один конёк-ласточку и привязал его верёвкой к правому валенку, и Валентин гонял на нём по двору целый день. Позже, когда двоюродный брат Валя-большой достал где-то коньки-снегурочки, Валя-маленький очень быстро научился на них кататься и играть в хоккей. Ключку Валентин-большой сделал из проволоки диаметром около шести миллиметров, загнув её снизу петлёй так, что она была похожа на половинную музыкальную ноту. Этой ключкой Валя-маленький очень хорошо играл в хоккей.

Игрушек в то время было мало, и дети сами находили себе развлечение. Однажды Валя-маленький в первый раз в жизни увидел клопа и целый вечер играл с ним на стуле. Клоп подползал к краю стула, а Валя движением пальца отпирлял его на середину сидения.

В то время по радио была передача «Письма с фронта». Диктор читала письма фронтовиков своим жёнам и детям. Однажды диктор прочитала, как отец пишет детям, что надо слушаться маму. Валя услышал это и сказал: «Что маму слушаться? Ни за что!». Хотя Рита с Валей были в целом послушными детьми, этот случай показывает, что уже и вполне самостоятельные, готовые самостоятельно принимать решения.

С Колбасного переулка в баню ходили за Абельмановскую заставу, называлась она «Хивой». После бани ребят, особенно зимой, тепло одевали: под шапку надевали платок, на ноги две пары носок, шапку завязывали под подбородком, на улице не разрешали разговаривать. В бани на Крестьянской заставе ходили редко.

На праздники, в основном на день рождения и Пасху, Шура и Екатерина Михайловна, а когда был жив Андрей Меркулович, то и он всегда делали Рите и Вале какие-нибудь подарки. Дедушка на Новый год наряжал ёлку. Многие семьи жили таким образом, что у каждого члена семьи была своя порция хлеба, супа, каши и другой еды. Часто можно было слышать во дворе, как родители звали своих детей: «Иди есть, иначе твою порцию съедим!». У Екатерины Михайловны и Шуры никогда ничего подобного не

было. Хоть и тяжело жилось семье, мама, бабушка и дедушка никогда ни в чём не обделяли детей.

Шура с детьми и бабушкой часто ходили в гости к Коровиным, которые жили у Крестьянской заставы. Семья Коровиных жила очень дружно, и когда приходили гости всегда садились за стол пить чай.

К Александре Михайловне, сестре Екатерины Михайловны, несмотря на то, что та жила тоже близко - на Мясной Бульварной улице, ходили редко, так как сёстры жили не очень дружно.

Вернувшийся из командировки в Москву товарищ Александра Павлова - Саша Лучинин, привёз ему посылку от Екатерины Михайловны и сестры Шуры. За неё он очень благодарил своих родных, но просил больше не присылать. Консервы из посылки пошли на закуску при праздновании Первомая.

Женю Павлова в январе 1944 года перевели на другое место (в другой лагерь), и ему пришлось расстаться с Геннадием Черемных и новыми друзьями. Геннадий устроился «очень хорошо», в музыкальном взводе. Теперь Женю, вместе с другими солдатами, вернувшимися из плена, использовали для восстановления затопленных и разрушенных шахт. Но судьба в который раз была благосклонна к Жене. В лагере (Сталинская область село Дзержинка, районный центр) устраивалась кухня и Женя с помощью «одного человека» попал в ее штат, где проработал поваром «самые плохие» месяцы с января до мая. Погода была скверная, часто пасмурная, и постоянно дули ветры северные или восточные. Продукты в лагерь привозили и их, в общем-то, хватало. А за водой надо было ездить самим на ближайший пруд в двух километрах. Воды требовалось много, и работа по ее доставке выматывала. Так на кухне Женя проработал до конца мая пока его, вместе с другими солдатами, побывавшими в плену, после завершения государственной поверки первого июня 1944, не перевели в город Сталино, где он вновь повстречал своего друга Г.Черемных (с ним был до середины июля и через его адрес получал письма из дома). Здесь он месяц проработал на сенокосе в зерносовхозе, а только 16 июля его направили в воинскую часть.

По всей видимости, возможности писать письма домой у Жени в последнее время не было. Письма от его имени писал Геннадий Черемных, подписываясь «Женя». Это опять усилило тревогу родных о его судьбе. «Меня очень удивляет, что же за условия у нашего Евгения, что он даже письмо не может прислать! Без писем совсем не имеешь никакого представления о судьбе брата. Надо лучше выяснить его положение и причину молчания через наркомат обороны», пишет домой Александр (27.04.1944).

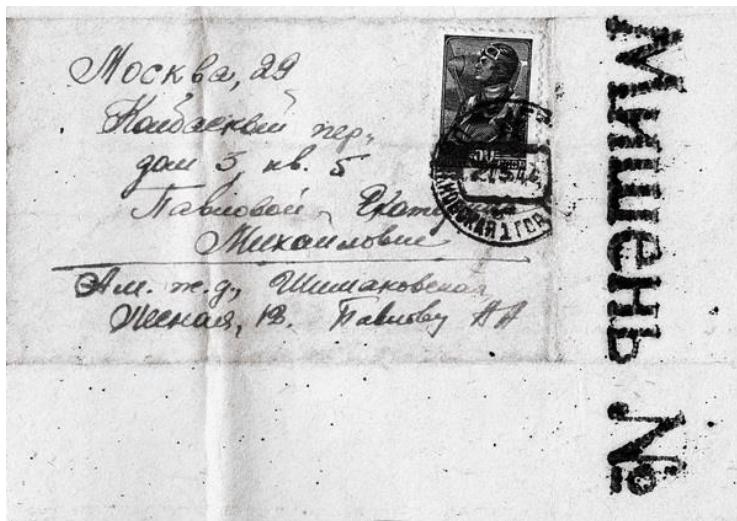
Екатерина Михайловна на запросы сына Александра сообщила, что с братом Женей всё хорошо. «Получил от вас письмо о том, что Женя хорошо устроился. Меня интересует, почему сам он не в состоянии написать письмо, а за него это делают его товарищи. Об этом вы мне сообщите» (15.05.1944).

В середине мая у Александра была поверка, за которую Александр получил следующие отметки: стрельба – «хорошо», боевая подготовка – «отлично» и «хорошо», политическая подготовка – «отлично», по гимнастике – «посредственно».

В мае Александра направили в командировку на лесозаготовки, на сплав леса, в Читинскую область на станцию Тыгда. По дороге он остановился на станции Сиваки. Население здесь очень культурное и вежливое, в основном – спецпереселенцы: кулаки и прочие. Но обжились они здесь очень хорошо и зажиточно. Место же командировки, село Успеновка – полное захолустье, имело плохое сообщение, газет сюда не привозили, поэтому было очень скучно. Здесь Александру чаще, чем в других местах, хочется в Москву, в которой не был уже 4 года. Командированных разместили в помещениях, кишящих клопами, поэтому они быстро перебрались в сарайчики из дранки, в которых по ночам было прохладно. Вместе с тем место было красивое, на берегу реки Зеи. Александр купался в реке 2-3 раза в день. Работы было много, и особенную трудность при сплаве леса составляло то, что лето выдалось на редкость сухое, было всего 5-6 дождей, и все реки обмелели. В свободное время Александр ходил по окружающим колхозам и добывал продукты: мёд, молоко, мясо. Командировка продлилась до самых холодов, когда реку уже начал сковывать лед.

Женя был зачислен в 17 штурмовой батальон. Батальон формировался следующим образом: рядовой состав его составляли офицеры, бывшие в плену. Командовали ротами и взводами офицеры, в плену не бывшие. Рядовые, побывавшие в плену, направлялись во вспомогательные подразделения – хозвзвод, санитарные роты, ездовые и прочие подразделения. Обмундирование получали новое, с иголочки, но без каких-либо знаков отличия. Вооружение тоже было все новое, в масле. Батальон формировался для отправки в Прибалтику в состав 3 Прибалтийского фронта.

Батальон отправили в Литву в середине июля и сразу направили на

Письмо А.А.Павлова домой на использованной мишени. 21.05.1944

передовую. Добравшись до места дислокации расположились бивуаком, а когда стемнело дали приказ одной ротой провести разведку боем для выявления огневых точек немцев. Плотность войск на этом участке была небольшая, между солдатами метров пятнадцать-двадцать и бои велись, в основном, местного значения. Так, что эта разведка наделала много шороху.

После этого 17 штурмовой батальон передислоцировали в район города Елгава под Ригой. Здесь батальон расположился на берегу реки Лиелупе, воины вырыли окопы и позиции для 82-мм минометов. На рассвете, после солидной артподготовки, батальону придали танковые подразделения и приказ форсировать реку. Река была небольшой – метров десять-пятнадцать ширины и по пояс глубины. Форсировали без помех. Поднявшись на противоположном берегу увидели впереди лес и двинулись к нему. Когда батальон одолел половину пути из леса вдруг выкатились восемь танков и двинулись на пехоту. Солдаты залегли, а танки приближаются. Вдруг появились советские танки, своим огнем уничтожили четыре вражеские машины, после чего остальные повернули в лес. Неприятеля преследовали весь день.

В одном месте немцы, пропустив разведку батальона, ударили прямой наводкой из нескольких самоходок “Фердинанд”. Батальон понес значительные потери. Поступила команда оставить у пулеметов и орудий по два человека, остальных, в их число попал и Женя, перевести в стрелковую роту. Наутро, с рассветом, была дана команда “В атаку!”. Все бросились вперед. Сколько пробежал Женя – не помнит, только почувствовал, как в левую ногу повыше колена вонзилась пуля, и он потерял сознание.

Когда сознание вернулось, он услышал: “Зачем вы несете его в дом? Его сейчас все равно с поля боя не вытащить, а когда стемнеет, немец подожжет хутор. Здоровые выскочат, а он вместе с хутором сгорит!”. Санитары вынесли Женю из избы и положили в саду в окоп для стрельбы лежа, подложив под него соломы, а потом еще прикрыли ею сверху. За день, ожидая окончания боя, Женя потерял много крови. Вечером он разгреб солому и увидел, что хутор горит. Услышав голос начальника санитарной службы роты Кожевникова, он позвал его. Кожевников организовал вынос раненого с передовой в санчасть.

В санчасти Женю сразу положили на операционный стол, сделали эфирный наркоз, и заставили считать, пока сознание не ушло. После операции пришла сестра со шприцем крови и сказала, что надо вколоть эту кровь, чтобы возместить её потерю. Но нащупать вену никак не могла, то же на другой руке. Тогда она сказала – надо её выпить. Женя попросил 50 грамм спирта и кислых щей, выпил кровь, затем спирт и заел щами.

После этого Женю перевели в госпиталь в городе Паневежис, где сделали операцию, рассекли рану для удаления гноя, наложили гипс. Через несколько дней перевели в другой госпиталь в Даугавпилсе, опять операция, чистка раны, гипс. Но операцию сделали неудачно, начались боли, вкололи морфий, но боли возобновлялись. Врач все успокаивал, что это всегда бывает после операции и боль скоро пройдет. Но когда на третий день стало совсем

невмоготу, Женя откинул одеяло и увидел, что нога лежит прямо, а ступня вывернута вправо. Позвал врача, тот сестру, которая накладывала гипс, и сказал, что надо сделать. Сестра начала взрезать гипс и каждое ее движение отдавалось острой болью, но как только она его сняла, боль тут же прошла. Но стопа так и осталась деформированной на всю жизнь.

В госпитале Даугавпилса Женя пролежал около месяца. Домой он писал, что самочувствие прекрасное, ранение не серьезное. В палате есть патефон, книги, баян, так что скучать не приходится, но очень хочется увидеть всех родных. Соседей по палате уже эвакуировали, а у Жени была температура 38,5-39 градусов, с которой не эвакуируют. Но Женя настоял на эвакуации, и в ближайшем санитарном поезде его направили в эвакогоспиталь в город Двинск (октябрь 1944г.). Отсюда он сообщает домой, что уход хороший, рана заживает, кость срастается, но лежит пока в гипсе, самочувствие хорошее, аппетит отменный, только когда плохая погода, то рана ноет и повышается температура. В этом эвакогоспитале Евгений ожидал эвакуацию ещё глубже в тыл, но то повышенная температура не позволяла эвакуировать, то не было санитарного поезда.

В сентябре 1944 года, имея полную самостоятельность в выборе техникума, Анатолий Почтарёв после окончания 7 класса общеобразовательной школы № 472 поступил учиться в Московский авиационный моторостроительный техникум.

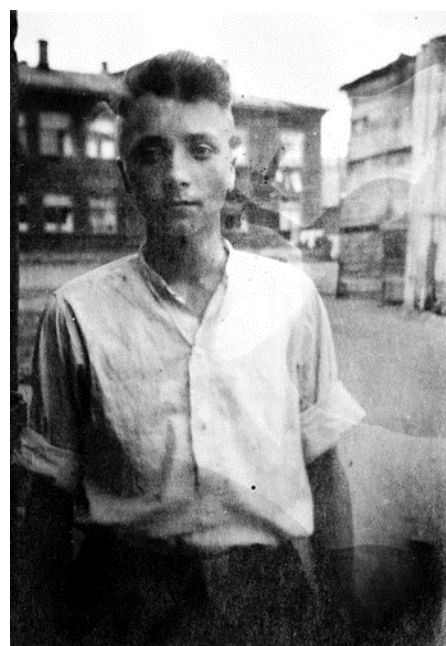
Анатолий Матвеевич Почтарёв.
1947 г.

В сентябре 1944 году, вернувшись с дачи в Москву, Тамара Коровина обнаружила, что её подруги ходят в школу, а её не записали. Она неделю плакала, требовала от родителей, что бы её отвели в школу.

Михаил Иванович и Тамара Коровины

Родители уступили её требованиям и записали Тамару в первый класс школы № 469, на Дубровской улице. Тамара начала ходить на уроки - тетрадки и азбуку складывала в авоську. Но девочки-

одноклассницы стали её дразнить, что она ходит не с портфелем, как все, а с сумочкой. Придя домой Тамара заявила, что в школу больше ходить не будет. Здесь уже родители начали её уговаривать, что бы она продолжала ходить, раз уж записана в класс, и не обращала бы внимания на задиры подруг.

Таким образом, родившись на один день раньше Риты Лаврёновой, Тамара начала ходить в школу на год раньше её.

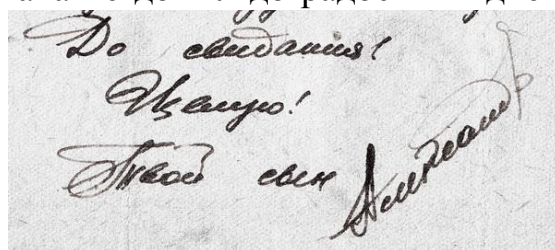
Как-то раз Тамара взяла в школу линейку своей сестры, которая была подписана «Коровина Надя». Линейку попросили с соседней парты и увидев неправильное имя зачеркнули «Надя» и написали рядом «Тамара», потом линейка пошла дальше, и когда она снова вернулась Тамаре, она была вся исписана её именем на разные лады: «Тома, Тамарка, Тёма, Томик ...», каждый постарался отличиться.

Рита Лаврёнова.
09.07.1944

Несмотря на наступление холодов и замерзанием Зеи, командировка Александра Павлова на лесозаготовках всё ещё продолжалась. Работать было холодно, так как зимнее обмундирование было «дома», в Шимановской, а на тебе – только летнее, в котором выехали в командировку.

«Мама! В этом году тебе исполняется 60 лет! Обязательно пришли мне фотокарточку и заставь Шуру сфотографироваться с детьми и обязательно выслать их фотокарточки. Если есть фронтовые фото Евгения и Николая – пришлите мне». «Пошёл пятый год, как я служу в рядах Красной Армии – на Дальнем Востоке... За 4 года не было такого дня, что бы я постоянно не помнил о доме, о семье, о товарищах, о Москве; в каких бы трудных условиях я не находился, я всегда об этом помню... Теперь, когда я уже стою на ответственном посту в Красной Армии, я благодарен тебе, мама, и папе и всей семье за то, что дали мне возможность успешно закончить 10-летнее образование. Я до сих пор сожалею, что папа не дожил до радостных дней нашей встречи. Я постоянно думаю и беспокоюсь о нашем Жене, который почти всё время находится на фронте. Но я возлагаю надежды, что он будет честно трудиться на своём посту – и с победой вернётся домой» (03.11.1944).

В середине ноября Женю Павлова эвакуировали глубже в тыл, и 21 ноября он, проездом через Москву, пишет домой письмо, в котором сообщает, что пока не знает, куда его везут и напишет уже с нового места. Во всех письмах просит передавать привет семье Черемных. Местом эвакуации Жени оказался город Рязань, где в госпитале с использованием рентгеновского

аппарата ему снова сделали операцию (для этого пришлось ломать бедро).

Из Рязани Женя написал письмо домой и сообщил, где он находится, а

также отправил телеграмму о своем ранении и с просьбой приехать. Факт ранения заверил начальник отделения госпиталя Груздев. Телеграмма-вызов была необходима для приобретения билета.

**Екатерина Михайловна Павлова.
1945 г.**

Через некоторое время приехала навестить Женю мама - Екатерина Михайловна. Чтобы совершить поездку в Рязань Екатерина Михайловна собрала все свои сбережения, кое-что пришлось продать. Собрав гостинец Екатерина Михайловна отправилась в дорогу. Все мысли были о сыне, и она не заметила, как собранную посылку и крохотные

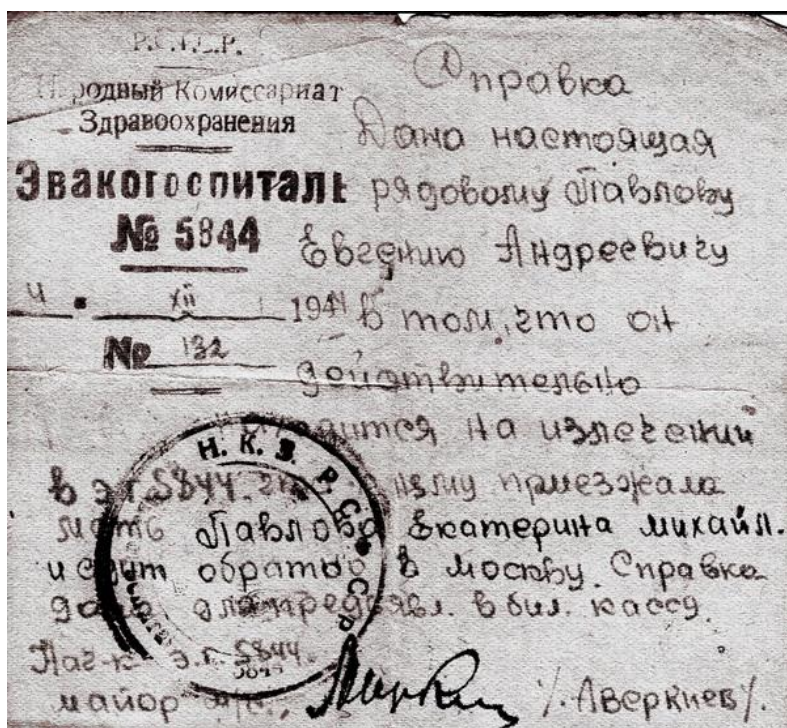
сбережения в поезде своровали, у неё осталась только баночка сгущенки.

Перед посещением Екатерины Михайловны Жене влили донорскую кровь и у него началась реакция, при которой трясло все тело. Мама испугалась и спросила врачей, не умирает ли её сын от трясучки? Её успокоили и минут через 15 реакция прошла. Екатерина Михайловна рассказала, что везла Жене подарки, но рядом в поезде ехал какой-то офицер, который выходил раньше, он видимо и прихватил по ошибке её вещи. Сказать сыну о смерти отца Екатерина Михайловна не посмела, и врачи пока не

советовали этого делать.

Для возвращения в Москву Екатерине Михайловне дали в госпитале соответствующую справку (от 4 декабря 1944 г.).

После отъезда мамы у Жени несколько дней была высокая температура (выше 38°C) и он неважно себя чувствовал. Когда температура спала, он написал сразу четыре письма: родителям, сестре Нюре (Анне Андреевне Почтарёвой) и брату Васе

(двое последних – его крёстные), а также Павлу Шихину, который тоже лечился в том же эвакогоспитале, но был уже выписан (возможно, это родственник из села Малино, с которым он подружился в свои приезды туда, или одноклассник. Павел Шихин упоминается и в письмах Александра Андреевича Павлова как его товарищ).

Как только температура спала Жене была сделана новая операция, чистка кости. Операция прошла нормально, после неё аппетит был хороший, самочувствие нормальное. После операции на ногу и грудь наложили глухой гипс, а потом влили новую порцию, уже третью, 250 мл крови.

В декабре 1944 года Александр сообщает матери, что согласно постановления правительства она должна получить правительственную награду «Медаль материнства» II степени, так как она воспитала родине пять детей. «Напишите, засвидетельствовали это советские органы, райсовет и другие, или нет». Дата получения Екатериной Михайловной награды точно не известна, но это произошло не раньше марта 1948 года.

«Медаль материнства» II степени

«Здравствуй, дорогая мама!

Очень рад, что тебе удалось навестить Женю в тяжёлом положении. От него я получил письмо и послал ему ответ и телеграмму.

Надеюсь, что в феврале, он должен быть уже дома, где его ожидают, конечно, спокойный и радостный приём.

Новый год встретил хорошо. 31-го был в части на концерте, после которого был на офицерском вечере. Была ёлка, буфет – без вина, но с пивом, и танцы. Погулял до 4 часов утра. Днём 1-го поспать не удалось, так как на квартире на ёлку собралось много детишек (у моего хозяина 5-ро детишек), а сын собрал товарищей...

Пока до свидания!

Привет Шуре, Риточке и Валичке.

Целую. Твой сын Александр.

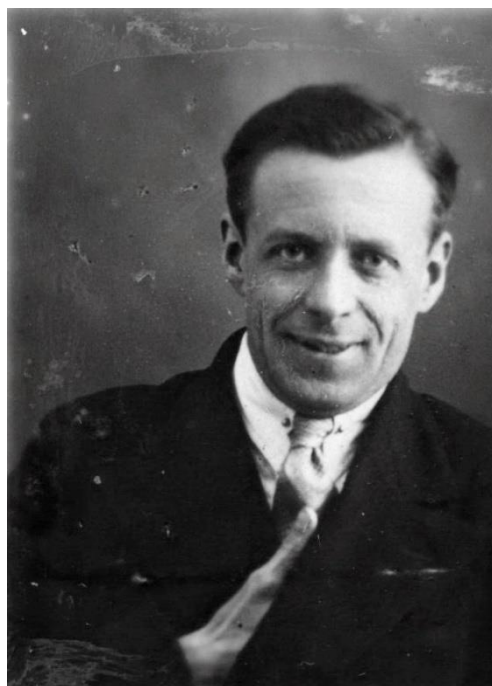
2.I.1945».

«Последние дни часто получаю письма от Жени, в которых он сообщает о своём здоровье. Я выражаю полную надежду, что его болезнь наши врачи сумеют излечить и что он в скором будущем вернётся домой. Мне тоже очень удивительно то, что уже прошло почти два года со дня смерти папы, а Женя об этом ещё не знает. Надо поставить его в известность так, чтобы такой неожиданный удар как можно легче на нём отозвался и не повредил его здоровью» (10.01.1945).

В конце 1944 года вернулись из эвакуации: из Казахстана - Василий Андреевич Павлов, из Ижевска - его жена Мария Афанасьевна с сыном Юрой, а из Тюмени - Матвей Федорович Почтарёв.

Когда ***Василий Андреевич Павлов***
Василий

Андреевич вернулся в Москву, все собрались на Колбасном переулке: Анна Андреевна и Матвей Фёдорович, их дети, Михаил Коровин (Минька), естественно, семья Василия. народу было много. Валя-маленький сидел рядом с Тоней. Вале налили в рюмку какой-то красный компот, а взрослым – вино. Тоня вина не пила, и свою полную рюмку поставила рядом с Валентиновой. Когда Василий Андреевич увидел перед Валею полную рюмку, он спросил: «Чего же ты, Валентин, не выпил за мой приезд?». Валя взял рюмку и выпил, и его голова сразу повалилась на бок. Тоня и все присутствующие сильно перепугалась, когда поняли, что вместо компота Валя выпил вина. Его тут же положили на сундук. Василий Андреевич уходя одарил Валею 30 рублями. Когда Валя проснулся, гостей в комнате уже не было.

5 января 1945 года Анатолия Ивановича Коровина за ударный труд наградили орденом «Знак Почета», а ещё через год, 5 января 1946 года – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.».

Анатолий Иванович Коровин (сидит второй справа), во время вручения ордена «Знак Почёта». 05.01.1945

17 января 1945 года, у Анатолия Ивановича Коровина и Анны Ивановны Дмитриевой рождается дочь Надя.

Новый, 1945 год в эвакуационном госпитале, в котором находился Женя, отпраздновали, как могли и это был для него лучший праздник за последние два года. В палате установили ёлку, приходили шефы и угощали водкой, заводили патефон, приходили пионеры, которые устроили концерт. В целом настроение от праздника поднялось. Домой Женя сообщает, что здоровье его постоянное. Хорошее. В это время Женя регулярно получал письма только от мамы. 19 января получил письмо от брата Сани, от которого не получал писем уже два с половиной года, и был очень рад ему. После этого переписка между братьями стала регулярной. Когда он не получал писем было очень скучно, хотя и читал все время книги и газеты. Для развлечения иногда читал газеты для всей палаты. Письма же в поисках Жени приходили редко, но иногда целыми пачками, написанные за довольно продолжительное время. В конце января он получил письма четырехмесячной давности, написанные во время его ранения!

В связи с карантином Женя написал домой, чтобы не вздумали приезжать, в палату всё равно не пустят, а выходить в коридор он пока не может. Такая поездка была бы только пустой тратой времени и средств. Вот когда снимут гипс, и он начнет двигаться, тогда и сообщит.

*Антонина Ивановна
Павлова*

22 января из села Житово приехала к Жене его двоюродная сестра - Антонина Ивановна Павлова (дочь Ивана Андреевича и Агрофены Ивановны Павловых, проживающих в селе Житово), но в палату ее не пустили: в Рязани была вспышка тифа и в городе объявлен карантин до 1 февраля. В палату с этим известием пришла медсестра, которая хорошо относилась к Жене, и сказала, что можно его вынести в коридор. Женя наотрез отказался выходить в коридор на носилках. Тогда появился начальник отделения и как старший по званию приказал рядовому Павлову исполнять его приказ. Так решился вопрос о его свидании – Женю вынесли в коридор и положили у окна.

Пришла Тоня, они переговорили минут двадцать. Тоня передала Жене посылочку и уехала. Во время свидания из окна дул холодный сквозняк и на следующий день у Жени поднялась температура до 38 градусов. Прибежал врач, и тут-же отправила Женю в изолятор. На следующий день температура упала, но Женю всё равно не переводили в палату, на следующий день – то же. Женя спрашивает медсестру: “Когда же?”. “Лежи, голубчик. При тифе в изоляторе положено быть три недели.” -

“Нет у меня тифа” - заявил Женя, но его не слушали. Тогда Женя объявил голодовку. Два дня ничего не ел. Об этом доложили главному врачу. Он пришёл, и они договорились, что если на завтра высокой температуры не будет, Женю переведут в палату. Всего Женя провел в изоляторе пять дней, а во время “голодовки” нянечка тайком приносила Жене поесть.

5 февраля гипс наконец-то сняли, но вставать пока не разрешили. Женя потихоньку и постепенно начал делать упражнения для восстановления движений, назначили лечебную физкультуру. Через десять дней он начал пробовать встать на костылях. В голове закружилось, в ноге закололо иголками, и она сделалась синяя и опухлая. Ещё через пару дней попробовал начать ходить, но вначале с помощью медсестры.

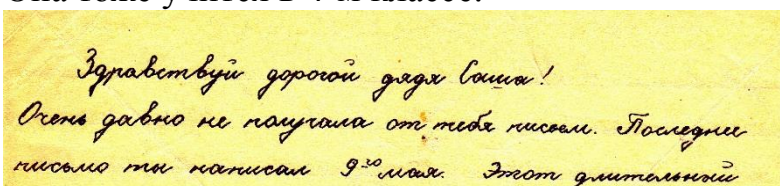
Карантин в госпитале продлили ещё на два месяца и Женя опять отписал домой, чтобы не приезжали: вот закончится карантин и станет получше ходить, тогда напишет. Но вместе с тем он опасается, что мама, если приедет, может по дороге подхватить брюшной тиф и Женю после свидания посадят в изолятор на карантин. Кроме того, Женя надеялся, что ему дадут отпуск месяца на три и он сам сможет приехать домой.

Перед днем Красной армии Женя уже сам ходил в кино и баню, в следующие дни гулял по коридору из палаты в палату. Раны затянулись хорошо, но нога стала короче сантиметра на 2-3, колено почти не гнулось, а стопа отвисала.

Выздоровление было налицо и скоро должна состояться выписка из госпиталя. В это время пришла пора стричь раненных: стригли всех и наголо. Женя опять взбунтовался: “Мне скоро домой, к маме, а я лысый. Мне надо быть красивым!”. Врачам так и не удалось уговорить Женю подстричься.

Александр Павлов в середине марта пишет маме: «Много писем я получил от Жени. Очень рад, что он начинает у нас ходить. Скоро, наверное, поправится полностью. Пишет, что хочется повидать папу, «он, наверное, стал очень плох». Я ему ничего о папе не писал и писать пока что не буду, сообщите ему сами и поспокойнее.

Получил Толину (Почтарёва – ПВ) фотокарточку. Тоня (Почтарёва – ПВ) прислала хорошо написанное письмо. А дочка моей хозяйки взяла у меня два старых письма Толино и Тонино - и будет учиться так же красиво писать. Она тоже учится в 4-м классе.

*Здравствуй дорогой дядя Валя!
Очень давно не получала от тебя писем. Последний
письмо ты написал 9го мая. Этот длительный*

Автограф Тони Почтарёвой. 1947 г.

Вообще я очень доволен своими племянниками, которые почти что все пишут мне регулярные письма завидными почерками и

присылают красивые картинки, которые я храню. Ритин (Лаврёновой – ПВ) красный домик я вложил в свой альбом».

6 апреля медицинская комиссия откомиссовала Женю, и документы передала в местный эвакуационный пункт на утверждение, затем их переправили в местный орган социального обеспечения («собес») и после этого уже можно было отправляться домой. Мама подробно описала дорогу от вокзала до дома и спрашивала, когда Женя приедет. Но тот и сам не знал. Из Рязани ходили два поезда, один в одиннадцать часов вечера, другой – в десять часов утра. На каком поезде поедет и какого точно числа он ещё не знает, поэтому просил его не встречать.

*Евгений Андреевич
Павлов. 1945 г.*

В середине апреля Женю выписали из госпиталя, дали ему в сопровождение медсестру и отправили домой. Женя приехал в Москву, в родительский дом в Колбасном переулке. Когда он вошел в комнату, там были только Рита и Валя. Рита сразу оделась и побежала на Большую Угрешскую улицу, где тогда у Анны Андреевны были Екатерина Михайловна и Александра Андреевна, и сказала, что вернулся Женя. Все, кто был там дома мигом побежали на Колбасный переулок с криками: «Женя вернулся!». Возглавлял толпу родственников Матвей, недавно вернувшийся из Тюмени. В маленькую комнатку набилось множество народу. Женя сидел на диване у окна, бледный, к столу был прислонен костыль, рядом сидела медсестра. Хоть и вернулся Женя домой на костылях, но живой, и всеобщей и искренней радости в семье не было границ. За столом Жене и рассказали, что отца уже давно нет в живых, что он приходил на станцию в надежде проводить Женю, когда тот проезжал через Москву на фронт, но разминулся с ним. От этого рассказа Женя расплакался. Потом пошли рассказы о пережитых годах. Свои военные годы Женя позднее (в 1995 году) изложит в своих воспоминаниях.

После возвращения домой 22 апреля 1945 года по 09 августа того же года Женя восстанавливался после ранения, а затем устроился на работу механиком на Московский центральный телеграф.

Получив известие о том, что Женя выписывается из госпиталя и собирается домой в Москву, Александр пишет ему письмо:

«Дорогой брат Женя!

Только получил Твое письмо и, пользуясь первым пасхальным днем, пишу Тебе ответ.

Пасха (в 1945 г. пришлась на 6 мая, день Георгия Победоносца – ПВ) у нас проходит как-то незаметно, не-торжественно. Нет ни гуляний, ни веселий, ничего не обнаруживает праздника. Только, как в обычные воскресения, молодежь вечером пойдет в клуб, на танцы – и этим закончится праздник. Я знаю, что в Москве праздник пройдет не так. Я вспоминаю счастливую пору детства, когда смотришь на хлопоты матери, на

приготовления куличей, пасхи, яиц, на праздничный беспорядок в комнате – и чувствуешь наступление великого праздника.

Женя! Ты пишешь, что много читаешь. Это необходимо. Особенно ценно читать передовые, выдающиеся произведения. В литературе Ты меня много обогнал. Но я хочу сделать Тебе советы. Чтение не должно проходить чисто-механически, пробеганием глазами страниц и запоминанием комических положений. Надо выработать в себе критический подход к избранному произведению. Ставить задачу, что можно взять из этого произведения. Прочтя – делать вывод, обобщать описанные факты, уметь и анализировать их. Чтобы научиться этому, надо самым внимательным образом изучить Краткий курс истории ВКП(б). Это труд классический. Очень простая, доступная школа изучения марксистско-ленинской теории, критики, анализа и синтеза (обобщенного вывода) явлений...

Маму успокой. Обо мне беспокоиться нечего. Живите спокойно. Меня увидите... Твой брат Александр» (13.04.1945) (Здесь имеется расхождение между датой письма и датой празднования Пасхи – ПВ).

В этом письме весьма любопытно смешение наследства семейного патриархального воспитания и коммунистического образования в школьное время и в годы военной службы. Мама, Екатерина Михайловна, видела это изменение в младших детях, не захвативших в полной мере дореволюционного уклада жизни и, видимо, внутренне очень переживала. От «прежнего воспитания» остались только воспоминания, да использование слов, вроде «высокоторжественный» в отношении именин.

На следующий день Александр пишет маме: «Мне самому очень обидно и тяжело читать Ваши письма, в которых вы описываете свою трудную жизнь и сожалею, что проклятая дальность мешает оказывать помощь. Да к тому же всё складывается так, что мешает моей поездке домой.

Скоро Шурины именины. Я ей в конце апреля вышлю денег к её высокоторжественному дню.

Сам я живу пока что очень благополучно.

Желаю, чтобы и Вы жили и не унывали, а бодро и радостно переносили все тяготы жизни и помнили, что Ваши сыновья и родственники все честно служат нашей великой советской Родине!».

Находясь на значительном расстоянии от дома, Александр очень радовался каждой весточке от своих школьных и дворовых друзей. Постоянно спрашивал, что слышно о Павле Шихине, просил узнать у родителей Ивана и Дмитрия Рассказовых их адреса, так как связь с ними была утрачена за время пребывания в командировках, «дружбу с ними я очень ценю», и

*Александр Андреевич
Павлов. Конец 1944 г. (?)*

очень обрадовался, получив от Ивана Рассказова ответ. Маме пишет: «Я очень рад, что ты случайно встретила с Вишневской, но очень жду, когда ты подробно опишешь мне всю встречу с ней и сообщишь что-либо о судьбе её сына – Владимира, с которым мы большие друзья. Если ещё придётся с ней увидеться, то узнай его адрес, как он жил и работал за прошедшие пять лет, а также передай привет Вишневской, её мужу – Зиновию Владимировичу и дочери – Галине». «Если кто встретится из моих детских товарищей, передай им привет и скажи, что я просил написать мне письмо. Сообщите о Шихине Павле». «Мама! Напишите, как живут Коровины. Что делает сейчас Леонид и каково состояние его здоровья. Сообщите также, как живут тётя Саня с Верой. О них я почти ничего не знаю за эти пять лет... Передавайте всем им от меня привет. Хорошо было бы, если вы мне сообщили адрес тёти Сани. Я хочу написать ей хотя бы одно письмо за свою службу».

С наступлением весны Александр опять был отправлен в командировку, сначала в Куйбышевку-Восточную, потом в Ушумун. Жил Александр со своим подразделением в тайге, изредка выбираясь на железнодорожную станцию, где была сосредоточена вся жизнь. На объекте Александр разместили вместе с остальными офицерами, всего 10 человек. От нечего делать играли в домино и карты. В совместной боевой работе и жизни они очень сдружились, и это в тайге заменило им радость театра и весёлых московских парков культуры.

В целом, больше двух месяцев на одном месте Александр не жил, и «через закономерные сроки» его отправляли на новое место службы. Зато многое объездил и многое увидел. «В Москве я прожил большую часть своей жизни. Там много пыли и грязи, газа и копоти. Здесь кругом лазурная чистота. Воздух свеж и чист, так что дышать очень приятно... Мама! Женя пишет, что Ты страдаешь, когда читаешь мои письма, в которых я описываю свою жизнь. Напрасно. Я знаю, что ты воображаешь более страшное, чем есть на самом деле. Настроение [моё] постоянно высокое, весёлое, ибо всё время кругом жизнерадостные бойцы и офицеры, с которыми никогда и нигде не пропадёшь и скучать не будешь. Нужды ни в чём не имею».

Матвей Федорович Почтарёв продолжал работать водителем грузовой автомашины: совершал дальние рейсы в соседние города на своем «Студебекере», привозя домой когда капустки, других овощей, иногда — мясца или курочку. Анна Андреевна после войны нигде не работала. Общий трудовой стаж у неё — 13 лет.

*Анатолий Матвеевич
Почтарев. 09.02.1945*

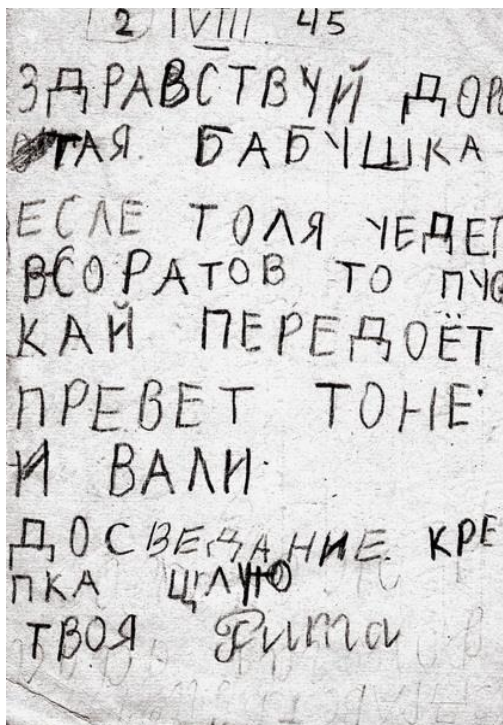
В день Победы семья Почтарёвых, отметив дома на ул. Большая Угрешская это событие небольшим застольем, отправились к брату Матвея Федоровича — Петру,

который жил в Ведерниковском переулке. Придя к нему они увидели, что он с женой Мусей собираются мыть окна. Отец Петра - Федор Сергеевич, разгневался: в такой святой день, когда все празднуют Победу, гуляют, заниматься домашними делами — кощунство. Обругав сына, Федор Сергеевич с остальными гостями повернул домой.

Летом 1945 года Федор Сергеевич Почтарёв отправился в деревню Перевесенка повидаться с бывшей своей женой Ольгой Егоровной Моисеенко (умерла 25.02.1964). Сорок километров от железнодорожной станции до деревни шли пешком. По дороге всем встречным мужикам он рассказывал, что Берлин в пять раз крупнее Москвы, добавляя для пущей достоверности разные подробности. Затем раскуривалась сигарка, и путники расходились.

Вместе с Федором Сергеевичем в деревню на лето были отправлены его племянники Тоня и Валя. В деревне за ними приглядывали дедушка с бабушкой и няня. Когда няня выходила по вечерам на улицу с гармонью, бывало очень весело. Старики с внуками ходили в лес, приносили по пол-лукошка грибов. Иногда ходили на реку ловить рыбу, а дети таскали по берегу ведро, к которое эту рыбу складывали.

Ольга Егоровна Моисеенко

Из деревни Тоня спрашивает бабушку Катю: «Напишите, где Рита и Женя». Где была Рита в то время - неизвестно, но бабушке Кате она пишет письмо и передаёт через Толика привет Тоне и Вале.

Письмо Риты Лаврёновой бабушке Кате. 02.08.1945г.

По окончании войны, Василия Андреевича Павлова, как знающего инженера – специалиста по оборудованию, хорошо владеющего разговорным немецким языком и понимающим речь, отправляют в Германию для подготовки эвакуации оборудования немецких заводов в СССР. Станки были большей частью старые, производства 20-х годов. Немецкий инженер, с которым работал Василий Андреевич, сказал: “Увозите, увозите. Мы себе сделаем новые!”.